

Мяо Сюй пристально смотрел на ланч-бокс, размышляя: то ли это плод его воображения, то ли тень на снимке и предмет у него в руках — действительно одно и то же. Наведя порядок на кухне, он принёс ланч-бокс в свою комнату и, бесконечно подстраивая телефон, наконец нашёл нужный ракурс, чтобы сделать снимок. Сравнение на компьютере не оставило сомнений: формы идентичны.

Как это возможно?

Если бы это было просто случайное сходство форм, это ещё можно было бы как-то объяснить, но фото из сети было сделано в ту самую ночь. А значит, с огромной долей вероятности, в ту ночь по проезжей части бегало животное с их ланч-боксом в зубах. Сопоставив пропорции коробки и тени, можно было сделать вывод, что зверь был определённно крупнее кота. Больше всего Мяо Сюя смущало то, что в тот вечер ланч-бокс должен был быть у Ван Иньи. Мяо Сюй расследовал это дело, но никогда не думал, что оно может быть связано с кем-то из близких. Теперь же этот предмет связал преступление с его семьёй, и Мяо Сюй почувствовал замешательство.

Отставив ланч-бокс, он вышел из комнаты и впервые сам постучал в дверь главной спальни. Ван Иньи открыл дверь, увидев Мяо Сюя, он слегка удивился и улыбнулся:

— Редкий гость! Что-то случилось?

Ван Иньи только что принял душ вместе с Чжаочжао, от него исходил лёгкий пар, глаза блестели, а выражение лица было мягким. Мяо Сюй же оставался серьёзным. Перейдя сразу к делу, он спросил:

— Спрошу ещё раз: в тот вечер, когда ты принёс мне еду, ты не видел ничего необычного?

Ван Иньи хотел было отшутиться, но, увидев серьёзное лицо Мяо Сюя, осёкся и вынужденно сказал:

— Правда нет. Я оставил ланч-бокс и сразу ушёл, не смея мешать вашей работе.

Мяо Сюй внимательно изучал его лицо, а Ван Иньи спокойно выдерживал этот взгляд.

— В чём дело? Ты уже третий раз спрашиваешь об этом, — в голосе Ван Иньи послышалась нотка обиды, он опустил глаза, выглядя немного пристыженным: — Лучше бы я вообще не приходил.

Мяо Сюй задумчиво смотрел на него, а затем ответил:

— Я слишком подозрителен. Больше не буду спрашивать.

Напряжение спало. Мяо Сюй заглянул через плечо Ван Иньи в комнату, где Чжаочжао на кровати возился с бумагами:

— Ладно, иди к ребёнку.

Он развернулся и ушёл. Как только Мяо Сюй скрылся в своей спальне, Ван Иньи закрыл дверь, бросился на кровать и, обняв Чжаочжао, начал тереться щекой о его щёчку, притворяясь испуганным:

— Испугался до смерти, сынок! Твой дядя Мяо просто страшен. Если бы папа не был таким

талантливым актёром, нам бы сегодня не поздоровилось.

Чжаочжао не понимал, зачем отец говорит таким преувеличенным тоном, но, вспомнив, что от чужой еды когти и пасть становятся короче, он закрыл Ван Иньи рот рукой, запрещая говорить гадости о дяде Мяо. Ван Иньи приподнял бровь:

— Ого, какие мы стали принципиальные! — и начал щекотать сына.

Ван Иньи играл с сыном, а сам думал: неужели Мяо Сюй что-то заподозрил? Невозможно, обычный человек до такого ни за что не додумается.

На следующий день, в воскресенье, Ван Иньи предложил:

— Давай сходим куда-нибудь развеемся? Вчера не вышло, сегодня самое то.

Мяо Сюй отказался:

— Нет, останемся дома.

Ван Иньи наблюдал, как возможность свидания ускользает от него. Но вместо того чтобы, как обычно, запереться в комнате, Мяо Сюй вёл себя непривычно: он постоянно крутился рядом. Ван Иньи почувствовал себя подозреваемым под слежкой и предложил:

— Может, посидишь с Чжаочжао? А я пока посмотрю рынок недвижимости.

Теперь, когда он был мужчиной «с работой», это стало отличным предложением. Мяо Сюй замер:

— Я могу? — Чжаочжао ведь его боится?

— Попробуй, — терпеливо ответил Ван Иньи.

Мяо Сюй снова поддался на уговоры. В кабинете он увидел Чжаочжао, который что-то усердно рисовал на ковре. Прошлой ночью в спальне и сейчас он был в той же позе. Мяо Сюй бесшумно подошёл сзади:

— Что рисуешь?

Малыш подпрыгнул, обернувшись на него круглыми глазками. Мяо Сюй сел рядом, и когда Чжаочжао инстинктивно захотел сбежать, он прищурился:

— Не хочешь больше тушёной говядины?

Мальчик замер.

— А ведь я обещал запечённую курицу.

Малыш послушно лёг обратно. «У-у-у, правда, от чужой еды всё уменьшается», — грустно подумал он.

Мяо Сюй с удовлетворением наблюдал, как ребёнок покорился силе кулинарии:

— Продолжай рисовать, я просто посмотрю.

Малыш взял цветные карандаши. Мяо Сюй думал, что это будет бессмысленная мазня, но

линии оказались на удивление живыми и понятными. Он рисовал львов: с гривой, похожей на яичницу — самец, поменьше, как игрушка — львёнок, а рядом — молодой человек в очках с милым детским лицом.

— Это семья секретаря Ду? — узнал Мяо Сюй.

Чжаочжао кивнул. Мяо Сюй продолжил расспросы:

— А рядом — господин Ши и их ребёнок?

Чжаочжао снова кивнул. Мяо Сюй решил подшутить:

— Почему ты рисуешь чужую семью? Обычно дети рисуют свою. Это потому что вчера видел малыша?

Чжаочжао перестал рисовать, надул губы и опустил голову — над ним словно сгустилась тучка. «Что не так?» — испугался Мяо Сюй.

— Я ухожу, рисуй дальше.

Но тут Чжаочжао вскочил, подбежал к книжной полке, достал альбом и протянул Мяо Сюю листок. На нём были нарисованы два тигра, большой и маленький, сидящие рядом. У них были круглые уши и иероглиф «Ван» на лбу. Мальчик с надеждой смотрел на Мяо Сюя.

— Это... ты с папой? — догадался Мяо Сюй.

Чжаочжао кивнул.

Мяо Сюй сел на ковёр и начал разукрашивать львиную семью, внезапно поняв чувства ребёнка. Вчера они видели счастливую семью из трёх человек, и Чжаочжао завидовал им, ведь у него был только папа. У Мяо Сюя сжалось сердце. Он невольно вспомнил своё детство, эту острую зависть к тому, чего у тебя нет, и горечь осознания реальности. К счастью, у Чжаочжао, в отличие от него, был любящий отец.

Мяо Сюй вернул рисунок Чжаочжао:

— Твой папа очень любит тебя, не думай, что тебе чего-то не хватает.

Чжаочжао смотрел на него с грустью. Мяо Сюй попытался подбодрить его:

— Обещаю сделать курицу, улыбнись.

Малыш схватил карандаш и начал что-то дорисовывать рядом с двумя тиграми. Он нарисовал человечка в шляпе. Мяо Сюй понял, что это полицейская фуражка.

— Это я? — Мяо Сюй был тронут.

Чжаочжао кивнул, показывая жестами, что рисовать форму полицейского очень сложно. Мяо Сюй посоветовал:

— Нарисуй меня посимпатичнее, и добавь Маомао — тогда семья будет в сборе.

Чжаочжао послушно пририсовал утку. Мяо Сюй заворожённо смотрел на старания ребёнка, но одна мысль не давала покоя: почему люди превращены в львов и тигров? Если это символы, то

почему его и секретаря Ду не нарисовали зверями?

Ван Иньи наблюдал из-за двери с довольной улыбкой. Он знал, что Чжаочжао полюбит «дядю Мяо». Его тронула эта атмосфера, и он даже не подозревал, что сын практически выложил Мяо Сюю все их секреты.

Вечером, забираясь под одеяло к Мяо Сюю, Ван Иньи улыбнулся:

— Хорошо поладили с Чжаочжао?

Мяо Сюй, всё ещё терзаемый подозрениями, напряжённо вытянулся на краю кровати:

— Хорошо, Чжаочжао — послушный ребёнок.

Он всё не мог выбросить из головы ланч-бокс. Неужели тигр действительно бегал по дороге с коробкой еды? Мяо Сюй чувствовал себя сумасшедшим, допуская такое. Но одно он знал точно: если животное на фото действительно держало этот бокс, значит, Ван Иньи лжёт. Мяо Сюй сверлил его взглядом.

Ван Иньи не понимал, почему такая идиллия с Чжаочжао сменилась холодностью по отношению к нему. «Два взрослых мужика под одним одеялом, а я должен постоянно опасаться удара», — грустно подумал он и придвинулся ближе:

— Мы же хотели «поджарить стейк», почему ты всё время меня отталкиваешь?

Мяо Сюй подумал: «Верно, это из-за нашей дистанции он что-то скрывает».

— Ладно, говори, как нам стать ближе? — спросил он.

Ван Иньи приподнялся, коснулся волос Мяо Сюя и нежно прошептал:

— Давай теперь я буду называть тебя А-Сюй.

В сумерках ночи Ван Иньи прошептал это имя прямо ему в ухо. Мяо Сюй неверно истолковал этот жест, решив, что это начало перемен. «Как же называть его? Иньи? И-И? Слишком приторно. Господин Ван? Слишком холодно».

— Тогда... я буду называть тебя Лао Ван? — спросил он.

Ван Иньи застыл.

<http://bllate.org/book/17638/1648714>